

УДК 303.01+316.4.066

Т. М. МИРОНОВА

Кандидат философских наук, доцент
Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ И ТИПЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Данная статья посвящена проблеме социального развития как реализации социальных стратегий. Исследуется возможность применения понятия «социальная стратегия», используемого для определения направления деятельности организации, также и в целях описания альтернативных путей развития социума в целом. Понятие социальной стратегии является релевантным в различных парадигмах социального познания, соответствующих основным типам рациональности: классическому, неклассическому и постнеклассическому. Для демаркации и нахождения баланса между самоорганизацией и управлением в социальном развитии целесообразно дополнить системный подход феноменологическим, который исследует генезис и трансформацию основных социокультурных феноменов, таких как семья, государство, искусство, религия, образование, наука.

Ключевые слова: социальная стратегия, социальное развитие, классическая рациональность, неклассическая и постнеклассическая рациональность, системный подход, социокультурные феномены

MIRONOVA T. M.

THE CONCEPT OF SOCIAL STRATEGY AND TYPES OF RATIONALITY IN SOCIAL PHILOSOPHY

This article is devoted to the problem of social progress as realization of social strategies. Consequently, there is investigated possibility of applying the concept of social strategy used for determining the direction of an organization's activity to the description of alternative ways of social progress in general. The concept of social strategy is relevant to different paradigms of social science as well as basic types of rationality – classical, non-classical, post-non-classical. For demarcation and balance between self-organizing and management in social progress it is expedient to complete system approach with phenomenological instrumentality surveying genesis and transformation of main sociocultural entities such as family, state, art, religion, education, science.

Keywords: social strategy, social progress, classical rationality, non-classical and post-non-classical rationality, system approach, sociocultural phenomena

Исследуя проблему социального развития как такового, мы неизбежно приходим к вопросу о субъектности общества, его субстанциональности. В древней социально-политической мысли данный вопрос поначалу решался путем легитимации субъектности лидера: правителя, царя, наследника царского рода. Исторические события происходили не с обществом самим по себе, а с людьми, возглавляемыми неким лидером. Историческая наука же появляется именно в условиях полисной демократии древних греков, поскольку самоуправляемый полис обладал исторической субъектностью. Далее в христианской догматике общество предстает в двух ипостасях – государства и церкви – при этом понятия ветхого и нового мира также соотносятся с понятием человеческого общества. Христианские эсхатологические представления об истории как конечном однонаправленном процессе индуцируют поиски ее смысла и попытки вывода исторических закономерностей. Между тем ответ на вопрос, есть ли у истории законы и, если да, то какие, так или иначе должен объяснить, что собой представляет развитие не социальной или политической системы, а человечества в целом.

От Августина до Гегеля данное развитие трактовалось, прежде всего, как осуществление внешних целей, и только в рамках теории культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского внешняя общая цель – выживание – становится в той же мере и внутренней целью данных типов, самоцелью различных обществ. В то же время в социологии и политологии выделяются значимые единицы, которые также ведут себя подобно живым организмам: организации и партии. Однако, если теория культурно-исторических типов в определенной степени биологизирует историю, сравнение менее крупных социальных единиц с организмами, приспособляющимися ко внешней среде и изменяющими ее, уже не несет на себе печати биологизаторства, так как вынесено из исторического контекста и не влияет на установление исторических закономерностей.

Переходя непосредственно к понятию социальной стратегии, следует подчеркнуть, что оно уже используется в социальных науках, прежде всего, в экономических теориях управления для обозначения системы определяющих, обобщающих решений, влияющих на состав организации, содержание и условия работы ее членов. Социальная

стратегия фирмы первична для принятия всех остальных решений и существенно влияет на конечный результат деятельности. Можно даже утверждать, что именно наличие собственной стратегии делает бизнес конкурентоспособным и прибыльным, то есть обеспечивает его выживание и развитие.

Мы полагаем, что понятие социальной стратегии можно применять в более широком смысле, экстраполируя на уровень социума в целом, рассматриваемого в исторической динамике. Социальные стратегии определяют векторы принятия любых решений в обществе, в случае противоположной направленности образуя результирующий вектор. Данная экстраполяция не может быть осуществлена механически, не учитывая смены парадигм в естественнонаучном и социогуманитарном познании от классической до неклассической и постнеклассической.

С точки зрения классической рациональности целое представляет собой математическую сумму частей (например, общество – сумма организаций) и, следовательно, включает в себя все, что присуще частям. В таком случае общество выступает суперорганизацией, что, собственно, и демонстрируют классические социальные теории от Платона до Маркса. Естественно, при таком подходе создаются предпосылки для возникновения и культивирования разного рода тоталитарных идеологий, стремящихся нивелировать различия между частями и привести их к гомогенному состоянию.

Далее, в неклассической рациональности, где механицистская картина мира уступила место органицистской, часть, как орган в организме, не функционирует в отрыве от целого, т. е. если деятельность организации подчиняется неким закономерностям, то эти закономерности, в первую очередь, присущи обществу в целом. При этом само противопоставление органицистской и механицистской картин мира обусловлено давним мифологическим противопоставлением живой и неживой природы. В новейшее время в естественных науках произошли перемены мировоззренческого характера, сближающие их с гуманитарными: революция в физике обусловила возврат к метафорическим космогоническим представлениям [5, с. 23]. Вместе с тем остается вопрос, возможно ли прямо сравнивать общество с системами в неживой и живой природе?

В неклассической рациональности снимается проблема универсальности социального, поставленная Э. Дюркгеймом и М. Вебером: реаль-

но или номинально общество, т. к. она относится к механицистской, классической парадигме. Социальная реальность исключает также абстракцию человека, противостоящего обществу как абстракции: его отношения с обществом опосредуют различные социальные структуры, сначала институты, а позже организации. В современном мире, в эпоху цифровой революции, место структур заняли сети и потоки, что как раз и представляет собой модель мифологического хаоса.

Возникший в постиндустриальной цивилизации постнеклассический тип рациональности изменил само представление о развитии как некоем однонаправленном поступательном движении, постулировав его векторность, а значит, альтернативность и индетерминированность. В то же время, согласно принципу дополнительности, для описания объекта требуются два набора взаимоисключающих понятий, следовательно, развитие совмещает в себе как векторность, так и поступательность. Применительно к истории и обществу «эмпирический смысл принципа дополнительности в социальном знании заключается в том, что функционированию социальных объектов присуще одновременно поступательное и векторное развитие» [4, с. 74]. Таким образом, постнеклассическая парадигма рациональности в социальных науках более гуманистична, отводя место в истории стремлениям и поступкам отдельных людей, создающим описанную векторность.

В то же время, возвращаясь к социальным стратегиям, мы не можем отождествлять их реализацию с саморазвитием общества. «Стратегия» в переводе с греческого означает искусство полководца, т. е. искусство вести за собой войско и одерживать победы. В более общем виде стратегия представляет собой способ достижения сложной цели, в самом общем виде стратегия и выражается в целеполагании. При этом основным вопросом остается, является ли цель внешней или внутренней для общества. По мнению И. А. Гобозова, общество не может считаться просто самоорганизующейся системой, т. к. деятельность людей целерациональна и формируется, прежде всего, под воздействием управления [1, с. 14].

Критики системного подхода в социальном познании указывают на его низкую эвристичность и недостаточную верифицируемость именно в силу проблематичности спецификации внешних и внутренних факторов развития. Субъективное начало является агентом неопределенности, поэтому индивидуальные цели становятся объ-

ектом изучения в социологии благодаря их месту в системе общих целей, заданных мировоззрением, «на основании общеобязательной оценки» и через «установление связей соподчинения» [3, с. 104]. При такой взаимообусловленности внешних и внутренних целей «систему формально можно считать самоорганизующейся, если сознательный выбор людей рассматривать как внешний фактор» [2, с. 304]. Но насколько осознанный выбор делают люди в переломные моменты истории, или в «точках бифуркации», которые характеризуются как раз потерей стабильности системы, т. е. снижением и потерей управляемости, возрастанием иррационального начала, отрицания мировоззренческих установок, переоценкой ценностей? И в какой мере индивидуальный выбор может считаться фактором социального развития, даже учитывая так называемый «эффект бабочки»?

Мы полагаем, что противоречие между самоорганизацией и управлением в развитии социальных систем может быть разрешено путем исследования фундаментальных социокультурных феноменов, возникающих в социуме *per se*, но впоследствии используемых в целях управления. Семья, государство, искусство, религия, наука, образование воплощают в себе векторность исторического и социального развития, компенсируя и гармонизируя разнонаправленные социальные стратегии. Таким образом, феноменологический подход может дополнять системный подход в социальном знании.

Литература

1. Гобозов И. А. Социальная философия: диалектика или синергетика? // Философия и общество. 2005. № 2 (39). С. 5–17.
2. Мальцева Н. Н. Возможности и границы применения синергетики в философии истории // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. Белгород: Белгородский гос. ун-т, 2011. № 2. С. 298–304.
3. Немирова Н. В. Телеологизм и причинность как основа качественной методологии социологического знания // Известия Российского гос. педагогического ун-та им. А. И. Герцена. Серия: Социология. 2014. № 169. С. 101–105.
4. Плебанек О. В. Науки о природе и науки о культуре: история отношений // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 68–78.
5. Розов М. А. О соотношении естественнонаучного и гуманитарного познания (проблема методологического изоморфизма) // Наука глазами гуманитария: сб. науч. ст. / отв. ред. В. А. Лекторский. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 23–58.